

бора. На первом из них, помещенном над окном, в левой стороне люнета изображен князь Владимир в короне и со скипетром, вручающий грамоту послу, за Владимиром — группа бояр. Наверху мелким, незаметным полууставом написано: «Посла Владимир к царема греческима глаголя: „дайте за меня сестру вашу“». Рядом изображено вручение грамоты греческим царям, а надпись гласит: «Они же отвецаша: „несть зде такового обычая, еже христиан отдавати за поганья“». На этом изображении запоминается лицо одного человека из свиты русского посла, который с большим интересом рассматривает греческих царей. Ниже этих двух изображений, в простенке между окнами — опять Владимир на троне, но только уже без свиты, принимающий посла, и надпись: «Рече же: аще ли крестисия и то получиши и вящии сего — царство небесное». Эту композицию оживляет фигура воина, с любопытством заглядывающего в дверь.

На этих трех первых композициях мы видим мало выразительных человеческих фигур и реквизита. Однако надписи, имеющиеся на изображениях, вполне раскрывают содержание каждого эпизода, и художнику не нужно было их дополнять.

В следующей композиции, отделенной от первых трех окном, художнику необходимо было дополнить летописца, слова которого написаны сверху: «И в то время Владимир очима впаде в болезнь». В центре этой композиции — выразительная фигура больного Владимира на ложе с полужакрытыми глазами, подпирającego рукой левую щеку. Рядом стол, на котором лежат корона и скипетр; у стола стоит юноша, беспомощно разводя руками; у изголовья — скорбная фигура бородатого мужчины. Эти фигуры передают с большой экспрессией атмосферу тревоги и волнения, царящую в опочивальне больного князя, беспомощность положения которого подчеркивают нарисованные у кровати полусапожки — их он уже давно не надевал (рис. 1).

Далее вверху композиция на слова: «И рече царица пославшим к нему: „аще не крестисия и не избудет болезни сея“». На троне под балдахином с драпировками — статичная фигура женщины в короне, перед ней — посол со свитой, сзади — две женщины (одна из них выглядывает из-за драпировки). Рядом изображено крещение Владимира, который стоит полубнаженный в кадке, в церкви перед епископом и дьяконом. Сзади — несколько мужских и женских фигур. Все это также ничего не добавляет к надписи: «И крестися Владимир, и очима прозре и верова в бога».

Последние две композиции на сюжет корсунской легенды помещены в местах очень удобных для обозрения (внизу, в простенке между окнами) и разработаны весьма тщательно. Действие происходит в них уже не в помещении, как в первых шести композициях, а на открытом месте, что дало возможность художнику ввести в изображение пейзаж и здания (до сих пор на фресках, иллюстрирующих корсунскую легенду, изображались только интерьеры).

Особенно хороша, к сожалению, несколько попорченная внизу сыростью, композиция, изображающая сокрушение кумиров. В центре ее — величественная фигура Владимира, решительным жестом указывающего вниз, очевидно, на поверженный кумир, над которым склонился юноша. Другой юноша, нарисованный выше первого, широким, энергичным жестом замахивается секирой на статую Перуна — обнаженную фигуру с мечом в руках. Еще выше — стилизованные и условные, как на книжных миниатюрах, горы. Таким многоярусным расположением элементов этой композиции художник, несомненно, хотел подчеркнуть пространственность изображения, необходимую для этой сцены, происходящей на открытой местности. Точно такой же прием наблюдается и в заключительной композиции на тему